

V. EHRENBERG. *The people of Aristophanes. A sociology of old Attic Comedy*, Oxford, 1943, XII + 319 + 1

В истории классической Греции период конца V — начала IV вв. до н. э. представляет особенный интерес. Это время, как и первые две трети IV в. — до завоеваний Александра Македонского, является переходным периодом, когда, с одной стороны, заканчивается развитие многих явлений предшествующей эпохи, а с другой — складываются новые отношения, намечается линия последующего развития. С этой точки зрения уже самое начало IV в. дает интересный материал в различных сферах жизни для изучения генезиса эллинизма. Вопросам социально-экономической жизни Афин в конце V — начале IV в. в значительной мере посвящена и та книга, которая является предметом настоящей рецензии. Буржуазный ученый Эренберг в своей работе «*The people of Aristophanes*» стремится дать, как говорится в подзаголовке, опыт социологии афинской комедии. Он пытается разрешить основные проблемы общественного и экономического развития Афин на основании главным образом разнообразных и обильных данных древнеаттической комедии.

Интерес к комедии Аристофана как к историческому источнику возник давно: уже в начале XIX в. был поставлен вопрос о ценности древней комедии в этом отношении и о способах ее использования. Для понимания комедии как исторического источника и, в частности, как источника по социальной истории сделано довольно много. В основном уже определено отношение Аристофана к окружающей среде; выяснены и некоторые мотивы его творчества, обусловленные этой средой. Обстоятельно рассмотрены связи отдельных комедий с политической обстановкой данного момента. Большая работа сделана также по изучению социальных типов Афин того времени. Однако все эти вопросы еще нельзя считать удовлетворительно разрешенными. В выводах, которые делались разными, а иногда и одним и тем же исследователем, встречаются неясности и противоречия, богатый материал комедии использован далеко не полностью и не объективно. Задача нарисовать на основании этого материала неструю картину афинского общества со всеми его противоречивыми интересами, стремлениями, вкусами, с его живой борьбой различных взглядов и направлений является актуальной и в настоящее время. Поэтому тема работы Эренберга не может не вызвать у читателя интереса. Как же ставит автор проблему и каким способом считает он возможным подойти к ее решению?

Эренберг характеризует свой труд как попытку дать историческое и социологическое исследование афинской жизни, основанное прежде всего на изучении одного своеобразного источника — древнеаттической комедии (стр. 1 сл.). Автор указывает, что его задача заключается в том, чтобы уловить специфический характер эпохи и народа, особую атмосферу его жизни, созданную экономическими и социальными условиями, и охарактеризовать общество, жившее в этих условиях.

Эренберг особенно настаивает на том, что период процветания древнеаттической комедии (приблизительно 455—385 гг. до н. э.) представляет известное единство (гл. 1). Несмотря на крупные изменения в политической жизни, задачи, стоявшие перед Афинами при Фрасибуле и Кононе, оставались теми же, что и при Перикле, а события начала IV в. были тесно связаны с военной обстановкой.

Экономика Афин, замечает автор, нисколько не оправдывает представлений о так называемом «процессе индустриализации», которые являются заблуждением новейших исследователей (стр. 97). Главное понятие, которым оперирует Эренберг, это — понятие «среднего класса» (middle class). В состав этого «класса» входили крестьяне, средней руки землевладельцы, ремесленники, торговцы различных типов, представители интеллигенции. Богатые и бедные, по уверению автора, это — отдельные группы единого и крепкого в своем единстве общества. Различия между ними и между отдельными разрядами «среднего класса» не нарушали этого единства: классовая борьба, заявляет Эренберг, отсутствовала в афинском обществе (стр. 110). Метэки, отделенные высоким политическим барьером от граждан, представляют, по мнению автора,

одинаковую с гражданством социальную среду. Рабы, не имевшие никаких прав, занимались теми же профессиями, что и свободные труженики.)

Изменения, совершавшиеся в этом «едином» обществе, сводятся прежде всего к росту «политического индивидуализма» и «экономического материализма». Утрачивается былая способность довольствоваться малым: и богатые и бедные охвачены одинаковым стремлением к наживе, к деньгам, к достижению своего маленького личного благополучия. IV век характеризуется, по мнению Эренберга, превращением воинственного, героического человека V в. в энтузиастического последователя Дикеополиса с его стремлениями к удовольствиям и миру. Сообразно с этим меняется отношение к войне: в IV в. как нормальное состояние рассматривается не война, но мир. Особенно ярко все эти изменения, почти революция, по выражению автора, отразились в последних двух комедиях Аристофана: «Женщины в народном собрании» и «Богатство».)

Эренберг полагает, что крестьянство в Аттике сохраняет свою устойчивость в V—IV вв. до н. э. и вновь приобретает крупное значение. В конечном счете, утверждает автор, — и в этом утверждении особенно ярко выражается политическая направленность его мысли, — не политический строй, не демократия спасли Афины и вывели общество из катастрофического состояния в [конце V в., но стабильность частной экономики (стр. 182). Растущее напряжение между богатыми и бедными не могло разрушить «единства народа».

Такова общая концепция Эренберга. Она проявляется особенно ярко в двух аспектах: в характеристике отдельных прослоек «среднего класса» Афин и в оценке положения рабов в Аттике.

Как известно, жизнь и работа сельского жителя часто описываются в комедии с особой симпатией относящейся к этим скромным, трудолюбивым мелким фермерам, виноградарям и садоводам (стр. 56). Всем известны фигуры Дикеополиса или Тригея. Проблема заключается в том, чтобы определить, насколько они типичны для Аттики этого времени. Эренберг тщательно собирает разбросанные в комедии указания на технику сельского хозяйства, занятия и условия жизни земледельца (гл. III). Нельзя сказать, чтоб материал, приводимый автором, давал много нового. Данные Аристофана о противоречиях города и деревни, по мнению Эренберга, одной стороны (стр. 63 сл.). Провести ясную разграничительную черту между городом и деревней представляется автору невозможным. Взгляды земледельцев преобладали и в городском населении. Аттика была страной с многочисленным классом мелких фермеров. Не концентрация земельных богатств, а рост населения, недостаток денег, падение социального и интеллектуального уровня способствовали упадку благосостояния сельского населения, развитие торговли — уменьшению его значения. Все же, по мнению Эренберга, процесс пролетаризации крестьянства и позже не принял в Аттике крупных масштабов.)

В изучении положения и деятельности торговцев и ремесленников Эренберг в общем исходит из результатов, достигнутых Газебракком в его специальных исследованиях по истории торговли в классическую эпоху, влияние которых сильно чувствуется в современной буржуазной литературе. Но, в отличие от многих других исследователей, автор рецензируемой книги считает невозможным чрезмерно полагаться при определении содержания терминов *κάπηλος* и *ἐμπόρος* на указания Аристотеля, схолий и Λεξικά (стр. 86 сл.). Наоборот, по мнению Эренберга, именно Аристофан дает возможность составить правильное представление о значении соответствующих слов. *Κάπηλος* это — местный, мелочной торговец, но прежде всего, это — виноторговец, содержатель гостиницы, трактира или публичного дома. Ему присущи, в изображении Аристофана, желание надуть покупателя, склонность к мошенническим проделкам; мелочные торговцы и рыночные торговки славятся своей грубостью и бранью. Они занимают в обществе низкое положение. Наоборот, *ἐμπόρος* — уважаемый человек. Его деятельность — иного характера: она выходит за пределы данной местности, он занимается большей частью морской торговлей. Точное различие между *ἐμπόρος* и *καβύλλος* установить трудно, но между ними, по мнению Эренберга, не было социальной пропасти. Переводить соответствующие термины словами «оптовый тор-

говец», «корабельный магнат», «мелочной торговец» и пр. — значит вводить, по мнению автора, в заблуждение, так как они затемняют факт существования единого «среднего класса» (middle class).

К этому классу принадлежали Клеон, Гипербол или Диотреф. Эренберг резко выступает против модернизаторского освещения политических деятелей из среды этого «среднего класса». Их, замечает он, обычно представляли как крупных мануфактуристов или, по крайней мере, как владельцев крупных ремесленных предприятий, т. е. как представителей производства. На самом деле, они торгаши. Комедия делает упор на их торговой деятельности. Очень часто в одном лице совмещается владелец мастерской и торговец: эргастерий был почти всегда и лавкой или складом товаров для продажи.

Понятно то значение, которое имеет отношение исследователя античности к проблеме рабства. В рецензируемой работе этому вопросу посвящена отдельная глава. Она начинается с весьма категорического и столь же не обоснованного утверждения, что рабство не было таким существенным элементом греческой экономической жизни, как думали прежде (стр. 123). (Труд некоторых свободных рабочих, говорит Эренберг, был тяжелее, чем труд многих рабов.) Тем не менее греки не могли вообразить жизнь без рабов. Признавая, таким образом, рабство очень распространенным явлением, автор, однако, стремится доказать, что роль рабов в производстве была невелика. Главное место в комедии занимают домашние рабы. Единственной областью, где применялся исключительно рабский труд, было горное дело. Конкуренция между рабом и свободным не составляла проблемы, по мнению Эренберга: рабский труд применялся наравне со свободным в ремесле и мануфактуре, в торговле и (меее) в сельском хозяйстве. Но это было дополнение, а не соперничество (стр. 134).

Искажая фактическое положение вещей, в явном противоречии с данными источников, Эренберг считает, что преданный раб, который был поверенным своего господина, не меньше характеризует отношения между ними, чем раб, подвергавшийся экзекуции и вообще испытавший на себе тяжелые последствия своего состояния. Для рабов, по его мнению, было много шансов выдвинуться (стр. 139); были рабы, которые работали самостоятельно. Это приводит автора к общему выводу, что организация экономической жизни Афин не была основана целиком или даже главным образом на рабском труде. В Аттике, утверждает он, никогда не существовало вопроса о рабах и опасности от них в противоположность Спарте с ее влотами (стр. 141). На афинскую политику якобы никоим образом не влияли численность или самое наличие рабов.

В вопросе об экономике Греции Эренберг занимает промежуточную позицию между крайними модернизаторами и последователями Бюхера (стр. 97). Типичным предприятием в Афинах он считает среднее предприятие. Экспорт из Афин достигал в целом крупных размеров и включал как изделия промышленности, так и сельскохозяйственные продукты. В связи с развитием заморской торговли находятся большие размеры и значение таможенных сборов. С другой стороны, Эренберг полагает, что масштабы и интенсивность торговли Аттики не зависели от масштабов и интенсивности «индустрии».

Общее впечатление от книги приводит нас к тому выводу, что материал, собранный автором, освещается чрезвычайно односторонне, метод его изучения отличается примитивизмом и схематизмом, основные выводы, к которым приходит автор, оказываются совершенно неубедительными.

Основной пункт в концепции Эренберга, неприемлемый принципиально и не подтверждающийся даже приводимыми им же самим данными, — (это его положение о малом значении и роли рабства в Афинах.) Он признает всеобщее распространение рабства, даже в причудливой картине золотого века всеобщего довольства, которое рисовала комедия, мы находим рабов (стр. 123—4). Бедные крестьяне, тяжелым трудом добывающие средства к существованию, имеют рабов. Автор, правда, делает отсюда вывод о буржуазном стандарте жизни деревенских жителей Аттики, но самый факт представляется ему несомненным. Мы встречаем рабов даже там, где их, по словам Эренберга, трудно ожидать: (у богов и даже в царстве птиц.) Автор считает, что цифра,

принимаемая Мичеллом в его общем труде, посвященном экономике Греции, — (трое рабов, в среднем, в хозяйстве зажиточного гражданина, — скорее преуменьшена и что правильнее было бы считать от 3 до 12, и в то же время он отрицает значение рабов в производстве (за исключением горного дела). Но можно ли думать, что всех этих рабов держали только для личных услуг? А если они были заняты производительным трудом, то как понять, что их труд не влиял на труд свободных, как это утверждает автор? Забывая о том, что он сам же возражал против использования теоретических сочинений для характеристики конкретной действительности, Эренберг ссылается (стр. 130) на известную теорию Аристотеля в его «Политике», который связывал труд рабов с процессом удовлетворения жизненных потребностей (πράξις), а не с процессом производства хозяйственных благ (ποίησις).

В источниках можно найти и прямые указания на то, чем занимались рабы. Упомянем здесь хотя бы о словах инвалида в речи Лисия (речь XXIV), который желал купить раба, чтобы тот работал в его мастерской. В комедии «Женщины в народном собрании» Блеспир спрашивает Праксагору: «Кто же будет обрабатывать землю когда все станет общим?» И Праксагора отвечает, не колеблясь: «Рабы». А когда у Аристофана выступает вопрос о выгоде, о наживе, то поэт сейчас же вспоминает безобразных работорговцев (Plut., 250 сл.).

Эренберг и сам указывает, что рабы вместе с недвижимостью составляют главное богатство крупных собственников. Таким образом, внутреннее противоречие проходит через изложение автора. Он считает, что в социально-экономическом отношении метэки и рабы не были отделены пропастью от свободных, и тщательно собирает «намекы» в источниках, говорящие о фактах возвышения рабов. Однако ему самому в заключении приходится ограничить это положение. Действительно, в речи Лисия (XIII, 18) говорится о бывшем рабе, который путем доносов и клеветничества приобрел богатство. Но даже и для афинян с их известной склонностью к тяжбам трудно было бы принять подобный случай за практику, определявшую социальные перспективы раба.

Весьма показательна и другая сторона вопроса: отношения между рабом и господином. Автор ссылается на бесспорный, но ничего не объясняющий факт — были добрые и злые рабовладельцы, хорошие и плохие рабы — и полагает, что было бы односторонностью выдвигать при этом ту или иную черту (стр. 138—139). Однако приводимые им же данные позволяют уточнить вывод. Эренберг собирает целый букет ссылок на другие источники, в которых говорится о побегах рабов (а едва ли они бежали от хороших условий жизни), о ярме сразу для трех рабов, о том, что их бьют, подвергают бичеванию, пыткам, клеймению (там же). Победенный в петушином бою петух назывался рабом. Источники говорят о продаже рабов, при которой их осматривали и оценивали, как вещь. Указания на патриархальный характер отношений между владельцами и рабами, на случаи проявления усердия и привязанности раба к дому не объясняют сущности отношений, так же, как на том основании, что при крепостном праве существовали типы крепостных вроде Савельича в «Капитанской дочке», нельзя думать, что не было антагонизма между помещиком и крепостным и что участь крепостного была в общем неплохой.

Неверным является также утверждение, что в Афинах вовсе отсутствовало разделение труда между рабами и свободными: в общем рабам поручали визшие, более тяжелые и трудные работы (например, в кузницах)¹. В целом понимание классовой структуры афинского общества, роли и характера рабства у автора совершенно неправильно.

Эренберг резко искажает также и картину социально-политической борьбы внутри афинского гражданства. Автор не устает повторять, что афинское общество представляло собою единство, обусловленное существованием единого «среднего класса» (middle class), в состав которого входили торговцы, ремесленники, фермеры, представители интеллигентных профессий. Не отрицая наличия противоположности богатства и бедности, — богатые и бедные составляли два лагеря, — он, однако, полагает, что в Афи-

¹ P. Clouhé, Les classes, les métiers, le traffic (стр. 49).

нах не было классовой борьбы.) Автор не дает определения понятия класса. Этот термин он употребляет и по отношению к ремесленникам или торговцам, взятым отдельно, и по отношению ко всем им вместе. Очень характерно замечание, которое он делает по поводу «нищих». Эренберг говорит, что эти «подонки» общества: поденщики, пищие и пр., были слишком немногочисленны, чтобы составить особый класс (стр. 11). Помимо характерного для автора презрительного тона, следует отметить, что понятие класса ставится в зависимость от численности той общественной группы, о которой идет речь.) Эта неопределенность содержания понятия и приводит к тому, что автор относит к одному классу разные группы населения с различными интересами и стремлениями. Эренберг не желает замечать глубоких и своеобразных противоречий, присущих греческому обществу.

Владельцы крупных эргастериев, вроде отца Демосфена или брата Лисия, попадают в один «средний класс» наравне с инвалидом (Л и с и й, XXIV), которому ремесло давало мало прибыли, а купить раба, могущего заменить его в работе, было не под силу. А ведь речь Лисия очень живо рисует быт и горести действительно «простого» человека в афинском обществе. Автор, используя материалы комедии, недостаточно учитывает тенденциозность Аристофана, отрицательное отношение его к современной ему политической практике. В своих выводах относительно единого среднего класса он основывается и на том, как комедия изображает вождей демоса своего времени (Клеона, Гипербола и др.), явно недооценивая характер источника: ведь это для осмеяния этих ненавистных ему демагогов Аристофан третирует их как мелочных вороватых торговцев, накладывает на них, так сказать, определенную социальную схему, способную возбудить у зрителей презрение и смех, подобно тому как позднее многие античные авторы пользовались схемой тирана, применяя ее для того, чтобы в отрицательном свете показать данного деятеля.

Притом у самого автора по этому вопросу можно найти противоречия. Он указывает на то, что знатные все больше занимались торговлей, что некоторые из крупных торговцев (ἐμπόροι) проникали в среду высшего класса, в аристократическую среду но что мелкие торговцы (καπηλοὶ) никогда не могли войти в «порядочное» общество, стать κλοὶ κάγαδοί.) В другом месте мы узнаем, что и положение женщины из низшего слоя иное, чем в высшем кругу. Автор не останавливается достаточно на таком видном свидетельстве о социальных противоречиях, как известные строки в комедии «Экклесиастазусы», 197 сл.: *νῦν δὲ καθέλκειν τῷ πένητι μὲν δοκεῖ τοῖς πλουσίοις δὲ καὶ γεωργοῖς οὐ δοκεῖ*. Он, правда, сопоставляет эти слова с замечанием в Псевдоксенофонтовой «Политии», что «при настоящем положении больше страдают от прихода врагов к р е с т ь я н е и б о г а т ы е» (подчеркнуто мною. — К. З.), но замечает при этом лишь, что только житель города здесь и там назван бедняком и что на основании этих слов нельзя прийти к определенному заключению. На это можно возразить, что если крестьянин не входит в число бедняков, то он отделен и противопоставлен и богатому (πλοῦστοι — καὶ γεωργοί) и что дело здесь не в одном лишь «естественном отращении» крестьянина к морской службе.

Но для того, чтобы прийти к определенным заключениям, надо отбросить широкую схему и идти трудной дорогой уточнения и дифференциации социальных групп. Модернизаторы начала XX в. рисовали совершенно неверно картину классовых противоречий античного общества, некритически применяя к нему категории капиталистической эпохи. Но нельзя, с другой стороны, не признать того факта, что они не только выдвигали проблему изучения социальной истории, но и указывали на наличие острых противоречий в этом обществе. Решение проблемы заключается не в том, чтобы отрицать или заглушивать эти противоречия, как это делает Эренберг, а в том, чтобы их правильно определить.

То, что нам известно о социальных столкновениях V—IV вв., совсем не согласуется с картиной гражданской идиллии, которую рисует автор. События на Керкире и Самосе, исключительно жестокая, беспощадная борьба в Афинах в 411 г. и особенно в 404—403 гг., известные свидетельства Платона, Ксенофонта и др. характеризуют острую классовую борьбу с ее напряжением, проявлениями ненависти, кровавыми столкнове-

ниями и пр., и было бы удивительно, если бы это явление не отразилось в комедии. Эренберг сам замечает, что наибольшую вражду вызывали разбогатевшие выскочки. Он отмечает наличие острых противоречий в афинском обществе: указывает на борьбу богатых и бедных, на исчезновение способности «довольствоваться малым», на процесс пауперизации, на растущую необеспеченность в ежедневном пропитании, на уменьшение жертв, приносимых государству богатыми, этими «святотатцами», по выражению Аристофана. Однако последовательности у автора нет. Если в афинском обществе происходил процесс роста социальных противоречий (стр. 180 сл.), то тогда следовало и материал рассмотреть с этой точки зрения. Между тем Эренберг не останавливается сколько-нибудь достаточно на этом вопросе, (но рассматривает афинское общество как нечто цельное и не меняющееся в своих основных чертах в течение V—IV вв.) Даже более того. По его мнению, // основное противоречие, отразившееся и в политике, и в социальной жизни, и в интеллектуальном развитии эпохи древнеаттической комедии, — это противоречие между неограниченным наслаждением властью, воинственным легкомыслием, склонностью к авантюризму, с одной стороны, и стремление к эгоизму, к себялюбивому наслаждению благами праздной, привольной жизни, — с другой Эренберг видит в этом противоречии проявление двух главных особенностей афинского народного духа, две потенции, присущие афинскому характеру, и даже «некие общие человеческие свойства». ||

Эти рассуждения далеко уведат читателя от конкретных исторических условий Греции V—IV вв.

Преобладание социологической конструкции над историческим исследованием сказывается особенно резко в заключительной главе. Причиной упадка Афин в IV в. было, по мнению автора, отнюдь не плохое состояние финансов (с этим можно согласиться, так как само состояние финансов являлось результатом более глубоких причин), но усвоение афинянами экономической точки зрения, победа homo oeconomicus над homo politicus. Подобное объяснение хода исторического процесса ничего, разумеется, не объясняет.

В книге Эренберга остаются незатронутыми такие моменты, отсутствие которых искажает общую перспективу, делает непонятными те или иные явления. В самом деле, как можно представить себе социальную историю Афин в конце V — начале IV в., не затрагивая в достаточной мере проблем политической жизни? Социологическая характеристика не будет убедительной, если не охватит во всей полноте основные стороны изучаемого явления. Автор много говорит о homo politicus и homo oeconomicus, об их неразрывной связи, а между тем видит объяснение исторического процесса развития Афин именно в их разрыве, в победе homo oeconomicus над homo politicus. По изложению Эренберга нельзя представить себе, что в этот период происходила ожесточенная борьба олигархов и демократов и различных группировок внутри той или иной партии. Такой интересный именно для социальной истории эпохи момент, какой представляет время реставрации демократии, так ярко освещенное в речах Лисия и Исея остается совершенно неиспользованным.

Автор придает огромное значение развитию риторики и софистики, подчеркивает, что новое воспитание представляло угрозу для всего народа: и для демоса, и для аристократической молодежи. Но без анализа партийных столкновений, без ответа на вопрос в чем была социальная сущность их, нельзя понять и противоречий в области идеологии. Когда Эренберг утверждает, что (борьба с представителями частного и общественно-эгоизма занимает место в творчестве Аристофана наряду с борьбой с себялюбивыми вождями и демагогами, то это утверждение не делает для читателя вопрос ясным. Между тем источники полностью выявляют отношение демоса к риторам. Не случайно Клеон у Ф у к и д и д а (III, 37, 4) говорит, что поступают правильно те, кто является скорее беспристрастными судьями, чем борцами в словопрении, и не случается тот факт, что логографы должны были изощряться в искусстве этопей ввиду недоверия афинских судей к чересчур красноречивым подсудимым и истцам. С точки зрения социальной истории выступление *πομπροί*, их борьба за политическое руководство и позиция в идеологической борьбе того времени представляют собою не менее важные факты,

чем детали сельскохозяйственной техники, которые так стремится выяснить Эренберг по материалу комедий.

Та историческая перспектива, которая рисуется в последней главе книги, особенно поражает этой оторванностью от конкретных исторических условий: перед читателем разворачивается абстрактная схема социального развития. (Усиление Македонии, позиция Персии, почти непрерывные войны IV в., развитие наемничества и пр. — все это остается вне поля зрения автора, как исторический фактор.) А ведь в исследовании Эренберга мы имеем дело с материалом древнеаттической комедии, которая носит такой ярко выраженный политический характер и которую невозможно понять, не привлекая данных о политической жизни. Homo politicus и homo oeconomicus — sit venia verbo — неразрывно, органически связаны друг с другом, анализ общественных отношений невозможно ни в принципе, ни технически отрывать от характеристики политического развития.) Великие исторические события эпохи — крушение сицилийской экспедиции, которая Эренбергу представляется лишь проявлением «истерического», а не здравого военного духа (стр. 219), борьба афинского государства за существование, выступления олигархов, упорные, хотя и мелочные, столкновения периода реставрации демократии, полные жизни фигуры представителей различных общественных слоев Афин этого времени, — все это не нашло отражения в книге Эренберга. Между тем только использование большого конкретного материала, содержащегося в бесчисленных выпадах, в намеках, именах, образах, мелькающих в комедии и имеющих отзвуки и в источниках другого рода, особенно «Воспоминаниях» Ксенофонта и диалогах Платона¹, могут нас направить на правильный путь, который должен привести к пониманию основных движущих сил социальной истории Афин V—IV вв.

Социальная позиция автора, его стремление найти в древних Афинах некоторого рода оазис, исторический пример народа, у которого отсутствуют классовые противоречия и классовая борьба, ясны уже в начале работы, но своеобразная политическая философия вырисовывается лишь в конце книги (особенно стр. 256 сл). Оказывается, что все эти мелкие земледельцы, ремесленники, торговцы и т. д. никогда не создадут истинного и великого ни в политической, ни в духовной сфере. Им присущи экономический эгоизм, узкий взгляд, добродушная любовь к удовольствиям. Они не способны сохранить традиции великого прошлого (стр. 264). Преобладание homo oeconomicus — истинная причина политического и морального упадка. Великие задачи может разрешить только духовная аристократия (an aristocracy of intellect and morals), в ы с ш и й к л а с с (подчеркнуто мною. — К. З.). Народу остается только время от времени снабжать эту аристократию свежей кровью и контролировать ее деятельность. Эти выводы автора, как он указывает, имеют приложение не только к античности, но и к современности (стр. 265) и представляют, таким образом, целую политическую программу.

У читателя книги Эренберга, естественно, остается впечатление, что суждения автора об афинской демократии, отрицание классовой борьбы в Аттике и мечты об «аристократии духа» отнюдь не являются случайными ошибками, но что они органически связаны с его общими воззрениями, со всем его пониманием исторического процесса. Это полностью подтверждается новой книгой Эренберга — сборником статей под заглавием «Aspects of the Ancient World» (Oxford, 1946). Среди этих статей особый интерес для выяснения общих точек зрения автора представляют статьи, написанные вскоре после окончания второй мировой войны.

Эренберг, учитывая ненависть народов к фашизму, отзываясь о нацистах, как о дьявольских хозяевах Германии, принесших разрушение собственному народу, говорит о бессилии расовой теории объяснить историю, но сам оказывается сторонником

¹ Помимо комедий, автор обращается часто и к источникам иного характера: к Фукидиду, Ксенофонту, Лисию, Исею и др. Но при этом поражает, что почти оставлены в стороне такие авторы, как Еврипид и особенно Платон, на которого дано лишь шесть малозначительных ссылок.

этой теории. Автор борется против материализма всеми средствами: сваливает в одну кучу самые разнородные явления, уверяет, что материалисты — это мистики. Использование при изучении древности стандартов современной психологии и экономики, т. е. как раз та модернизация, которая составляет характерную особенность буржуазной историографии, вменяется в вину материализму.

Исторические идеи Эренберга не отличаются свежестью и, употребляя его же выражение, звучат «старомодно и реакционно» (стр. 237).

Со страхом взвывая на растущее влияние коммунизма, Эренберг замечает: «Свобода более чем когда-либо тревожит ум и сердце людей» (стр. 249). Но свобода и равенство, как их понимает Эренберг, представляют нечто особое. Массы должны следовать руководству вождей в мире, построенном «по вечным принципам», а равенство людей в обществе лишь дурная мечта (a bad dream), необходимо равенство людей перед богом.

Причины страхов автора очевидны: их возбуждают «материалистические» стремления массы «простых людей», не желающих следовать указке самозванных «вождей», но идущих своим путем к удовлетворению насущных потребностей и к достижению свободы.

В свете всех квази-исторических толкований Эренберга и его борьбы против материализма делаются понятными и декламации автора в книге об Аристофане по поводу распространения в Афинах духа эгоизма, и его социологическая конструкция, и отрицание классовой борьбы, и идеи о великом значении «духовной аристократии».

Материал древней комедии в книге Эренберга освещен им с предвзятой и неисторической точки зрения. Ни социальные характеристики автора, ни его философия политической истории Афин не являются результатом объективного изучения предмета. Его книгу следует рассматривать как типичный образец новейшей буржуазной концепции античности, грубо фальсифицирующей подлинную историю рабовладельческого общества.

Проблема социальной и политической истории Греции, в частности Афин, представляется и в настоящее время во многом неясной и требует дальнейшей разработки. Для этой разработки много может дать материал древнеаттической комедии, которая содержит в высшей степени богатый исторический материал и представляется настоящим «зеркалом жизни» Афин V—IV вв. до н. э. Но при этом изучении приходится быть особенно осторожным, чтобы не принять субъективной точки зрения Аристофана, капризы его исключительного воображения за отражение объективной действительности. «Зеркало жизни» оказывается «кривым зеркалом», и необходимым условием успешного использования данных комедий является выяснение взглядов и приемов автора, рассмотрение материала в широком историческом аспекте, последовательное применение в исследовании метода исторического материализма.

Из того, что было сказано выше, вытекает прежде всего необходимость исследования конкретной истории общества в ее неразрывной связи с политической и культурной эволюцией. В частности, необходимо дальнейшее уяснение одной из важнейших проблем — вопроса о социальной сущности политических партий и политической борьбы в Афинах. Только изучение этого и других вопросов на основании всей совокупности доступных нам литературных, эпиграфических и археологических источников, изучение, свободное от модернизаторского схематизма прежнего или более нового типа, от грубого искажения исторической действительности в результате антинаучных теорий и предрассудков, может помочь нам проникнуть в дух эпохи, а вместе с тем правильно осветить вечно живой, свежий, полный непревзойденного своеобразия материал древнеаттической комедии.

К. К. Зельин